

Інтелігенція в лещатах тоталітаризму

Тамара Вронська,
Михайло Коваль
(Київ)

ПОВЕРТАЮЧИСЬ ДО СПРАВИ АКАДЕМІКА ОЛЕКСАНДРА ГОЛЬДМАНА

У № 1/2 журналу «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ» за 1997 р. було опубліковано статтю про драматичну долю дійсного члена АН УРСР, академіка-секретаря Відділення математичних та природничих наук Академії, доктора фізико-математичних наук, професора, засновника і першого директора Інституту фізики АН УРСР Олександра Генріховича Гольдмана. Сумне сходження видатного українського вченого на єжовсько-берієвську Голгофу проілюстроване документами, які у хронологічній послідовності простежують досить звичайну для того часу долю порядної людини.

Проте для більш ґрунтовного висвітлення драматичних сторінок життя академіка О.Гольдмана доцільно навести й інші документи, надати, так би мовити, слово самому вченому, звинуваченому і згодом засудженому до заслання. Йдеться про його листи з чужини. З погляду сьогодення листування О.Гольдмана з урядовими особами УРСР та керівниками Академії наук, викликане його бажанням відновити наукову діяльність в Інституті фізики, схоже на замкнене коло. Так і пригадується солженіцинське: «Буцалося теля з дубом».

Нагадаємо, що 5 жовтня 1939 р. Особлива нарада при народному комісарі внутрішніх справ СРСР ухвалила заслати О.Гольдмана на 5 років в один із районів Казахстану «за участь в антирадянській націоналістичній організації».

Одразу після відбуття покарання вчений розпочав тривале, марудне і, як з'ясувалося згодом, безплідне листування з можновладцями. Це листування досить яскраво відтворює, з одного боку, суспільно-політичну обстановку в державі, а, з іншого, — мужню життєву позицію О.Гольдмана, який, не звертаючи уваги на штучно інспіровані брудні чвари на-

вколо нього в академічному середовищі та на своє безнадійно-безперспективне становище як «ворога народу», вступив у боротьбу за продовження свого наукового життя.

Фундаментальне юридичне поняття «презумпція невинуватості» у 30-ті роки не спадало на думку ані катам, ані їхнім жертвам і не було чинником у вирішенні долі людини. Єдине, що залишалось людям, безпідставно звинуваченим у нескоеених злочинах, це за будь-яких обставин не визнавати себе винними. Таку позицію зайняв і опальний академік.

23 січня 1943 р. завершився термін заслання О.Гольдмана. У м. Акмолінську вченому повернули головний документ радянського громадянина — паспорт. Особам, що відбули заслання терміном до 5 років, він повертався з відповідною позначкою у вигляді обмежувального запису у 10-й графі. У такий спосіб О.Гольдман автоматично потрапив до «небезпечних» категорій громадян, проживання яких було небажаним у режимних (I та II категорій) місцевостях СРСР.

Наказ НКВД СРСР № 0107 від 17 серпня 1935 р. «Про порядок адміністративного заслання та вислання та здійснення гласного нагляду», інші циркуляри та директивні документи союзного та республіканського рівня забороняли проживання тим, хто відбув «міру соціального захисту у виправно-трудових таборах, трудових поселеннях», та особам, яких було визначено як ворожих суспільству, у Москві та 100-км зоні, Ленінграді та 100-км зоні, Києві та 50-км зоні, Харкові, Сталіно, Дніпропетровську та інших промислових, наукових і культурних центрах СРСР¹.

Ця обставина, вкупі з іншими, і могла вплинути на вирішення подальшої долі вченого. Але у жодному з відомих нам документів ці чинники не згадуються і ніхто на них не посилався.

Отож, через місяць після закінчення терміну заслання, 21 лютого 1943 р., О.Гольдман звернувся із заявою до народного комісара освіти УРСР, в якій попросив надати йому можливість «продовжити роботу на милій, рідній Україні і прийняти посильну участь у праці по відродженню зруйнованих і розграбованих ворогом вищих учбових закладів або науково-дослідних інститутів і потім повернутися до своєї наукової праці»². Через місяць Гольдман отримав відповідь, яка містила досить обнадійливі рядки: «Ваша заява взята на облік і при першій необхідності Ви будете відкликані»³.

Сповнений надій на швидке вирішення своєї подальшої долі, Гольдман 11 квітня 1943 р. звернувся із заявою до президента Академії наук УРСР з проханням «розглянути питання про надання можливості продовжити наукову роботу при Академії наук УРСР». Не отримавши відповіді, він знову нагадав про свою заяву і незабаром отримав відповідь віце-президента Академії наук УРСР академіка О.В.Палладіна, що могла збудити надію⁴.

Сподіваючись вплинути на рішення керівництва Академії наук УРСР згадкою про актуальність і цінність своїх наукових розробок саме у час війни, О.Гольдман 23 серпня 1943 р. нагадав про свою заяву і вислав детальний план робіт оборонного значення⁵. До речі, у жодному випадку наукові здобутки академіка Гольдмана керівними інстанціями не піддавались сумніву.

І знову остаточне вирішення питання із працевлаштуванням в Академії наук УРСР було перенесено на більш віддалений термін, про що повідомили Гольдмана листом, обгрутовуючи це переїздом Академії наук до Москви і реорганізацією інститутів.

Наприкінці листопада вчений знову наважився нагадати про себе і, нарешті, 22 грудня 1943 р. отримав більш-менш «зрозумілого» листа за підписом вченого секретаря Президії Академії наук М.І.Супруненка, в якому містилася рекомендація звернутися безпосередньо до Раднаркому УРСР і особисто до заступника голови Раднаркому УРСР (з питань культури і науки) М.П.Бажана⁶.

Зіткнувшись з репресивно-каральною машиною і збагнувши, мабуть, розмах репресій у державі, Гольдман все ж таки сподівався на справедливе вирішення своєї долі, на добру волю благородного та могутнього рятівника. В уяві академіка ним міг стати відомий поет і державний діяч М.Бажан. До нього і звернувся академік, що, як справжній вчений, вирішив обгрунтовано, в академічному стилі, з наведенням усіх можливих аргументів, довести необхідність свого поновлення на науковій роботі. Тому лист Олександра Генріховича не лише великий за обсягом, а й насичений інформативним матеріалом. Він схожий і на науковий звіт, і на сповідь людини чистої своїми ділами і помислами, безмежно відданої науці, іноді наївної, але не озлобленої, патріотично налаштованої.

Розпочавши листа найважливішими для себе словами: «Прошу відновити мене на науковій роботі в Академії наук УРСР»⁷, О.Гольдман все наступне виклав у тій логічній послідовності, яка, на його думку, могла переконати високу посадову особу у необхідності позитивного вирішення життєво важливого для вченого питання.

Лист передає нестерпно задушливу атмосферу, що панувала у суспільстві в цілому і в академічному середовищі зокрема. Повертаючись до подій січня 1938 р., Гольдман виклав історію свого арешту, наслідками якого стали звільнення з посад члена Президії Академії, академіка-секретаря Відділення математичних і природничих наук, директора Інституту фізики.

Президія Академії наук УРСР виключила його також із складу дійсних членів академії, посилаючись на параграф 24-й статуту Академії (згідно з ним виключенню з Академії підлягали особи, «діяльність яких спрямована на шкоду УРСР або СРСР»)». Загальні збори Академії наук УРСР своїм рішенням одноголосно затвердили постанову Президії. І все це

відбувалось при відсутності будь-якого судового рішення, а отже, і формальних правових підстав. Така вона була, сталінська конституція в дії.

Викладаючи «витівки» слідчих та їх добровільних помічників з академічного середовища, вчений доводив безпідставність звинувачень на свою адресу. Так більша частина «злочинів», що інкримінувалися йому, не підтверджувалася ніякими доказами, слідство змушене було по черзі відмовлятися від них, бо не могло їх довести. Все це свідчило про тверду позицію академіка, який раз у раз, незважаючи на тиск слідчих, відкидав безпідставні наклепи.

Можливо, саме внаслідок цього справу передали не до суду, а на розгляд Особливої наради при НКВД СРСР. Гольдман, згадуючи про це, вважав, що повній його реабілітації завадили академічні кола, а саме постановою Президії Академії та рішення загальних зборів про виключення його із числа дійсних членів Академії. А органи НКВД, у свою чергу, не вважали за можливе звільнити його як виключеного із складу членів Академії⁹. Отаке виникло собі замкнене коло.

«Всі звинувачення, які були пред'явлені від початку і до кінця — марні вигадки, нічим у дійсності не обгрунтовані», — писав О.Гольдман. — «Протягом всього свого життя я не знаю жодного вчинку, який я мусив би приховувати від радянської громадськості... Ніхто із тих, хто мене близько знає, не запідозрять мене в поступливості або у хитаннях з принципових питань, у схильності до підступних дій, тобто у недоліках, при наявності яких я міг би проти свого бажання опинитися серед ворогів»¹⁰.

З огляду на обвинувачення, за яким було засуджено О.Гольдмана («участь в українській націоналістичній організації»), неймовірно небезпечним уявляється його простодушний виклад свого ставлення до «українського питання». Вчений спеціально привернув до цього увагу тих, хто мав читати листа. Ця принижена і беззахисна людина свідомо пішла на ризик, щоб окреслити свою громадянську позицію, наголосити, що він любить Україну як землю, на якій виріс і живе, українську мову, яка є природною для нього, і палко бажає відведени роки життя і роботи провести в Україні¹¹.

О.Гольдман докладно зупинився на своїй науковій та науково-організаційній діяльності, перерахував численні проблеми, над якими працював у академічних установах, акцентував увагу на відкриттях, що були зроблені ним, або за його безпосередньої участі. З огляду на величезний обсяг наукових розробок, їх неабияке значення для розвитку української науки, зміцнення обороноздатності країни, вчений поставив головне і найбільш важливе для себе запитання: «Як пояснити, що партія і Радянський уряд позбавили мене своєї довіри?»

І сам же на його відповідей, відверто охарактеризувавши обстановку, що склалася у суспільстві і Компартії. Єдине пояснення він вбачав у нестерпних умовах, що створилися на кінець 1937 р. у київській партійній

організації і, зокрема, у парторганізації Академії наук УРСР, де всього на обліку перебувало 130 комуністів, а наклепницьких заяв було подано на 111 осіб¹². Це дає підстави зробити висновок, що зусиллями партійних ідеологів і співробітників НКВД «храм науки» — Академію наук УРСР було перетворено на «передбанник» ГУЛАГу, де штучно, за сценаріями «органів» створювалися «антирадянські підпільні організації», «виявлялися» у середовищі науковців «вороги народу». Може саме через такий сміливий натяк і було вирішено, що академік не виправився, вільнодумствує і не заслуговує на пом'якшення своєї долі.

Але простодушний і водночас твердий у своїх поглядах, гнаний інтелігент щиро сподівався переконати можновладців у необхідності свого повернення до наукової діяльності. На завершення листа до М.Бажана він написав: «Я сподіваюсь, що наведені матеріали полегшать справедливу оцінку моєї діяльності»¹³. Проте все вийшло навпаки: поінформованість і невміння «тримати язика за зубами» давали, як правило, протилежні наслідки. Заступник голови РНК УРСР, отримавши цей лист-сповідь, переадресував його до того, хто вже один раз «відфутболив» звернення Гольдмана, — до президента Академії наук УРСР з проханням «повідомити свою думку з цього приводу». Таким чином, листування щодо вирішення долі О.Г.Гольдмана знову опинилося в канцелярії Академії наук.

Бюрократичний механізм продовжував обертатися, і знов не на користь Олександра Генріховича. Президія «знайшла крайнього»: направила його листа для остаточного висновку до Інституту фізики АН УРСР. А там швиденько відмежувалися від незручного Гольдмана, обгрунтувавши своє рішення штучно сконструйованими, навіть сміховинними аргументами. Виходило так, що засновник цього інституту і його директор може тільки завадити колективу науковців. Як фарс виглядав такий, наприклад, постулат: «Залучення проф. Гольдмана у якості рядового наукового співробітника також недоцільне, тому що він за своєю підготовкою і науковими традиціями належить зовсім до іншої школи фізиків»¹⁴.

Доцільно підкреслити: ті, хто піддав О.Гольдмана остракізму як представника «іншої» (читай — «буржуазної») школи фізиків (або від імені яких це було зроблено), самі належали до школи академіка Гольдмана — засновника першої в Україні науково-дослідної установи у галузі фізики.

Досить скоро на ім'я М.Бажана з Академії наук УРСР за підписом віце-президента академіка О.Палладіна надійшла відповідь (з посиланням на лист-висновок директора Інституту фізики академіка О.І.Лейпунського), яка і визначила на довгі роки долю видатного вченого і організатора науки О.Г.Гольдмана. З часу рішення Особливої наради про заслання це був другий страшний для нього вирок: «Президія погоджується з думкою акад. Лейпунського про недоцільність поновлення т. Гольдмана

на роботі в Інституті фізики». І вже сам М.Бажан олівцем накреслив остаточний вердикт: «Згоден з думкою тов. Лейпунського»¹⁵.

Таким чином, вчений був позбавлений права працювати в академічній науці, займатися справою, без якої не уявляв свого життя і завдяки якій міг принести користь Батьківщині. Не бажаючи таврувати українські академічні кола, які негативним чином вплинули у 1944 р. на вирішення долі Гольдмана, все ж таки зазначимо, що слова Олександра Генріховича, який у 1955 р. заявив, що «перебуванню в Акмолінську, я, вочевидь, зобов'язаний академіку А.Ф.Йоффе...»¹⁶, можна було б адресувати й іншим колишнім його колегам. Звичайно, нині важко судити наскільки правий був О.Гольдман у своїх підозрах. До того ж не можна не визнати: «директивні органи» культивували в наукових установах обстановку нездорового суперництва та інтриганства, вважаючи, що в такий спосіб їм буде легше тримати інтелектуалів «під ковпаком», маніпулювати ними у разі потреби.

Лише у 1959 р., в умовах «відлиги», О.Гольдман отримав змогу повернутися до наукової діяльності. Але цьому передували довгі роки напруженої боротьби, що негативно позначилося на його здоров'ї і науковому потенціалі. Та й у подальшому тавро репресованого тяжіло над ним, коли він у званні академіка очолював відділ Інституту фізики АН УРСР.

Помер Олександр Генріхович 30 грудня 1971 р. у м. Києві. В «Українській радянській енциклопедії» у статті про вченого найбільш похмурі роки його життя відображені досить невинним чином: «1938–59 — на викладацькій роботі»¹⁷. Та справедливість, зрештою, хоч і через 20 років, перемогла.

Великої поваги заслуговує ця людина, безвинно оголошена «ворогом народу», засуджена на довгі роки заслання та забуття, зраджена заляканими репресіями колегами-однодумцями. І нагородою для нього стали не тільки довгоочікуване повернення до наукової діяльності, а й добра пам'ять прийдешніх поколінь учених.

Примітки

¹ Архів МВС України, ф. 45, оп. 1, спр. 1, арк. 220–221, 228–228 зв., 231; спр. 5, арк. 35.

² Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 2, оп. 7, спр. 1514, арк. 20 зв.

³ Там само.

⁴ Там само.

⁵ Там само, арк. 21.

⁶ Там само, арк. 21 зв.

⁷ Там само, спр. 1525, арк. 6.

⁸ Там само.

- ⁹ Там само, арк. 6 зв.
¹⁰ Там само, арк. 7.
¹¹ Там само, арк. 9.
¹² Там само, арк. 8 зв.
¹³ Там само, арк. 9.
¹⁴ Там само, спр. 1514, арк. 5.
¹⁵ Там само, арк. 19.
¹⁶ Кияк Б., Проскура О. Доля академіка Олександра Гольдмана // «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ». — 1997. — № 1/2. — С. 261.
¹⁷ Українська радянська енциклопедія. — К., 1977. — С. 94.

ДОКУМЕНТАЛЬНІ МАТЕРІАЛИ

Документ № 1

Заместителю Председателя
 Совета Народных Комиссаров УССР
 тов. БАЖАНУ Н.П.

Доктора физико-математических наук
 Гольдмана Александра Генриховича
 г. Акмолинск, Акмолинская 24

ЗАЯВЛЕНИЕ

Примечания и материалы

Прошу восстановить меня на научной работе в Академии наук УССР.

Я был избран действительным членом Академии Наук УССР летом 1929 года. В Академии занимал должности: члена Президиума, академика-секретаря Отдела математических и естественных наук и Директора Института Физики.

Приложение № 1. Витяг з протоколу Президії АН УРСР від 29.I.38 р.

23 января 1938 года я был арестован. 29 января Президиум Академии уволил меня от должностей члена Президиума, Секретаря Отдела и Директора Института, что вытекало из факта ареста, так как арестованный не может выполнять этих обязанностей.

В тоже время Президиум исключил меня из состава действительных членов Академии «як заарештованого органами НКВС», ссылаясь на параграф 24 статута Академии, согласно которому из состава Академии исключаются лица, деятельность которых направлена во вред УССР

или СССР. Однако Президиум Академии известно, что факт ареста не является достаточным доказательством виновности арестованного в деятельности, направленной во вред УССР или СССР, а параграф 24 статута Академии устанавливает как единственное основание для исключения действительного члена из состава Академии деятельность во вред УССР или СССР. В данном случае был арестован член Академии, не причастный ни к каким преступлениям против Советской Власти, и потому постановление Президиума было по существу неправильным.

Приложение № 2.
Виписка із
стенограми
Загальних зборів
АН УРСР
від 2.VII.1938 р.

2 июля 1938 года Президиум Академии подал свое постановление об исключении меня из состава действительных членов «як заарештованого органами НКВС» на утверждение Общего Собрания, т.е. внес предложение, не удовлетворяющее указанным требованиям параграфа 24 статута Академии Наук — и получил утверждение Общего Собрания.

Своим решением и последовавшим утверждением Общего Собрания Президиум в известной мере связал следственные органы НКВД, которые к указанному сроку — 2 июля 1938 года еще не предъявили мне оформленное обвинительное заключение. Первое такое оформленное обвинительное заключение следственных органов было мне предъявлено к ознакомлению и подписи 3-го сентября 1938 года (следователем Гранкиным).

Это обвинительное заключение было отменено постановлением следственных органов от 23 февраля 1939 года, откуда ясно, что оно не имело под собой никаких оснований. Одновременно следствие предъявило мне 23 февраля обвинительное заключение с новыми (после 13 месяцев ареста) обвинениями. Вместе с тем дело из-под наблюдения Прокурора при Военном Трибунале было передано в ведение Прокурора по спецделам. Позже была снята значительная часть обвинений, предъявленных 23 февраля 1939 года. Следствие каждым из своих последовательных постановлений снижало тяжесть предъявленных обвинений. В результате дело не было передано на суд, а направлено на решение Особого Совещания при НКВД СССР.

В этом «спуске на тормозах» следственные органы не дошли до признания действительного результата всего следственного процесса, а именно: признания моей полной невиновности и до постановления о полной реабилитации, а остановились на пол-пути.

Полагаю, что полной реабилитации помешало постановление Президиума Академии, утвержденное 2 июля 1939 года Общим Собранием, а именно: Академия меня исключила из числа действительных членов «как арестованного органами НКВД», а органы НКВД не находили возможным полностью меня реабилитировать, так как я был исключен Общим Собранием из состава действительных членов Академии Наук.

Особое Совещание при НКВД СССР 5 октября 1939 года вынесло постановление о направлении меня в ссылку на жительство в Казахстан сроком до 23 января 1943 г., приписав мне как мотивировку постановления «участие в украинской националистической организации».

Ссылку я прожил в г. Акмолинске: 23 января 1943 г. освобожден из ссылки, и мне возвращен паспорт. Все предъявлявшиеся обвинения от начала и до конца представляли пустые измышления, ничем в действительности не обоснованные. Ложна и заключительная формулировка Особого Совещания: «участие в украинской националистической организации», так как ни в какой националистической и ни в какой иной антисоветской организации я не участвовал. На протяжении всей своей жизни я не знаю за собой ни одного проступка, который я должен бы скрывать от советской общественности. Я с полной искренностью по внутреннему убеждению примкнул в 1919–1920 годах к социалистическому строительству под руководством Партии и Советского Правительства и с той поры активно и инициативно работал на великой социалистической стройке, влагая в свой труд на порученном мне участке всю страсть, все силы, знания и опыт. Всей своей деятельностью на протяжении почти двадцати лет я доказал свой советский патриотизм, свою преданность делу Партии. Никаких уклонений от советской и партийной линии у меня не было ни в действиях, ни в мыслях. Никто из ближе меня знающих не заподозрит меня в уступчивости или в шатании по принципиальным вопросам, в слабости, в податливости проискам, т.е. в недостатках, при наличии которых я мог бы против своего желания оказаться среди врагов. Вполне сознавая суровую напряженность переживаемой эпохи, я четко и упорно проводил в своей работе линию Партии. С полной ответственностью называю себя горячим патриотом нашей Родины, верным Партии и великому Сталину.

Приложение № 3.
Справка с указанием
лиц, которые могут
охарактеризовать
мою деятельность.

Вся моя деятельность проходила на глазах широкой советской общественности. Я работал 18 лет профессором Киевского политехнического института, позже Киевского Университета, 17 лет руководил научно-исследовательскими учреждениями, 9 лет работал как академик Академии Наук УССР.

Приложение № 4.
Справка
Объединенного
Украинского Гос.
Университета
от 21/XI.43 г.

Свыше 8 тысяч студентов учились физике на моих лекциях; сотни работали под моим руководством в лабораториях, а многие десятки получили от меня помощь и руководство в научной работе и стали профессорами и доцентами Высших Учебных Заведений, научными исследователями в Инс-

титутах и в лабораториях заводов, докторами и кандидатами физико-математических наук.

Выполняя директиву Правительства, учредившего в Киеве с 1 января 1929 года Физический Институт и назначившего меня директором, я в кратчайший срок, преодолев большие затруднения, при минимальной затрате государственных средств выполнил задание — создать научный Институт, достойный советской страны, и развернуть его научную работу.

К 1936 году в 20 лабораториях Института работало несколько десятков молодых исследователей, которые были воспитаны Институтом и из которых некоторые достигли высокой научной квалификации; Институт был оборудован многочисленными крупными экспериментальными установками (рентгенографической, электронографической, высоких напряжений, сложными вакуумными установками и т.д.), имел значительное собрание ценных измерительных приборов, тщательно пополненную библиотеку. Техническое обслуживание научных работ высоко-квалифицированными мастерами (механиками, стеклодувами) обеспечивало наиболее благоприятные условия для экспериментальной работы сотрудников.

Гр. Бюджет АН УРСР за 1936, 1937 и 1938 г. Признание быстрого роста Института выявилося том факте, что Советское Правительство предоставило на протяжении 1936–37 годов сумму около двух миллионов рублей на постройку нового здания Института и реконструкцию старого, объединенного с новым в одно сооружение. Проект был разработан известным архитектором Алешиным по моим техническим заданиям.

Адрес Института: Новое здание было готово к началу 1938 года.
Киев. Чудновского, 3. Освоением нового прекрасного здания Института заканчивал период строительства и должен был широко развернуть свою научную деятельность. В работе Института центральное место занимали вопросы ионных и электронных процессов, используемые в разнообразных приборах современной электротехники и представляющие глубокий интерес для экспериментального и теоретического исследования. [...]

Совокупностью этих разносторонних исследований создавалась группа исследователей с весьма полными и глубокими знаниями по вопросам ионных и электронных процессов. Научные и технические достижения давали этому коллективу возрастающий авторитет в среде русских физиков. [...]

См. «Українські
Фізичні Записки»
за 1936 р.

Ко времени моего ареста сотрудниками Института было напечатано около 100 работ в научных журналах СССР; было издано 6 томов научного жур-

нала «Українські Фізичні Записки» (под моей редакцией), было проведено ряд научных конференций, в том числе 2 союзного значения 1936 г. по полупроводникам), были изданы обработанные мной труды Конференции по полупроводникам 1935 года.

Силами Института была обеспечена квалифицированная постановка преподавания физики в восстановленном в 1933 году Киевском Университете и обеспечено развитие на Физико-Математическом Факультете специальности по электронным и йонным процессам; были установлены связи с Группами Академии Наук Союза ССР, на сессиях которых сотрудники Института выступали с докладами и в дискуссиях; многочисленные консультации давались киевским заводам и иным производственным организациям; результаты некоторых исследований, несколько изобретений, ряд технических приемов были переданы производственным организациям.

**Приложение № 5.
Справка о работах,
переданных
производственным
организациям.**

С чувством морального удовлетворения отмечаю успех проведенной работы, в которую я вложил большевистскую волю при преодолении препятствий, упорную инициативу, настойчивое руководство, многолетний опыт и знания.

Отмечу некоторые работы, которые я лично выполнял в 1937 году или которыми непосредственно руководил:

а) «Высоковольтная поляризация в твердых диэлектриках». В этой работе я дал теоретические основы для расчета электрических токов через твердые тела, когда в них образуются объемные заряды. Работа давала направление для дальнейших экспериментальных работ по этой новой главе электрохимии твердого тела и устраняла пробелы в работах прежних исследователей, мешавшие освоению этой новой области. Работу я докладывал на сессии Физико-Химической Группы Академии Наук УССР весной 1937 года, в Институте Физической Химии им. Карпова в Москве у академика А.Н.Фрумкина в сентябре 1937 года и на Сессии Физической Группы А.Н.Союза ССР в декабре 1937 года. Рукописи этой работы, готовые к отсылке в Академию Наук СССР, были взяты при аресте и мне не возвращены. Это теоретическое исследование представляло звено в долголетней цепи моих работ, направленных к конечной цели — освоению действий света, в частности превращения энергии солнечного света в электрическую.

**Приложение № 6.
Справка об откликах
на указанные работы
в научной
литературе.**

Некоторые из этих работ пользуются известностью среди ученых специалистов США и стран Западной Европы.

б) «Метод подобия и моделирования в различных областях науки и техники». По этой важной технической проблеме мной была организована в

1937 году коллективная синтезирующая работа при участии акад. Проскура, проф. Майзель (Харьков), проф. Штаермана, чл.-корресп. АН УССР проф. Дьяченко, доц. Розенберга (Киев) и сотрудников Института доц. Павленко и Сахарова. Большая часть рукописей была закончена авторами и сдана мне. Рукописи мне не возвращены и об их судьбе не знаю.

в) По моему предложению был разработан новый фотоэлемент (из сернистого серебра), создающий электрический ток при освещении невидимыми (инфракрасными) лучами и обладающий очень большой чувствительностью. Работа дала ожидаемый успех и была опубликована после моего ареста сотрудницей, выполнявшей ее, без упоминания обо мне.

См. напр.
«Советская наука»
1941 № 2 стр. 127.

г) была создана сложная установка высокой частоты для ускорения ионных лучей до огромных скоростей порядка миллиона электровольт и для изучения свойств этих лучей. Для работы на ней

была подготовлена группа молодых исследователей (Борзяк, Пасечник, Бойко). Задание было утверждено НКО. О дальнейшей судьбе этой работы я не знаю.

д) Я приступил к разработке высоко-чувствительных автоматических сигнализаторов для предупреждения о газовой опасности. Работа была оторвана в самом начале.

Позже в трудных условиях в Акмолинске, когда началась Великая Отечественная война, желая внести возможную в данных условиях свою долю в дело обороны, я разработал некоторые идеи, возникшие у меня в связи с этой темой и переслал их в отдел по делам Изобретательства Наркомата Обороны. Работа была признана не подлежащей опубликованию, а мне присуждено авторское свидетельство.

Приложение № 7.
Справка Отдела
по делам
Изобретательства
НКО СССР
от 15/XI.43 г.

е) Под непосредственным моим руководством была построена «Читальная машина для слепых» для чтения книг с обычным печатным шрифтом. 1-я модель была закончена к 1937 году, действовала и демонстрировалась; производились опыты по освоению ее слепыми, но не были закончены. Для упрощения и удешевления ее и для устранения

замеченных недостатков я наметил ряд новых принципов в ее конструкции.

Приложение № 8.
Фотография
«Читательной
машины для слепых»

ж) В 1937 году я напечатал в журнале «Под знаменем марксизма» работу по истории физики «Ломоносов, как физик», обоснованную по оригинальным материалам 18-го столетия (частью на латинском

См. «Под знаменем
Марксизма» 1937 г.
№ 9 стр. 143–171.

языке). Часть собранных материалов я предполагал использовать для дальнейшей работы: «Борьба картезианского и ньютонианского мировоззрений в 18-м веке».

Вся эта работа была сорвана арестом.

Как же объяснить, что Партия и Советское Правительство лишили меня своего доверия?

Единственное объяснение я вижу в тех условиях, которые образовались в Киевской партийной организации к концу 1937 году и на которые было указано в решениях январского Пленума ЦК ВКП(б) (в 1938 г.) и в частности в условиях в парторганизации Академии Наук, членом которой я был и о которой было указано на 18-м съезде ВКП(б) (Стенографический отчет, стр. 595) «в парторганизации Академии Наук, в которой состоит на учете 130 коммунистов, было подано клеветнических заявлений на 111 человек».

Приложение № 9.
Характеристика
от Акмолинского
ГорОНО
от 17.VII.1943 г.

В Акмолинске я нахожусь с декабря 1939 года. С 15 января 1940 года работаю преподавателем физики в средней школе № 1 им. С.М.Кирова. Мне выдана Акмолинским ГорОНО характеристика по этой работе.

С 1 июня 1942 года я совмещаю работу в школе с работой в должности инженера по гидравлическим расчетам в Ленинградском Отделении Всесоюзного объединения изыскательно-проектных организаций НКПС «Союзтранспроект», временно находящемся в Акмолинске.

Приложение № 10.
Характеристика от
Лентранспроекта

Помимо текущей работы по гидравлическим расчетам выполнил совместно с начальником группы стока 6 рационализаторских работ, дающих значительное облегчение и ускорение гидравлических

расчетов малых искусственных сооружений при проектировании железных дорог.

Приложение № 11.
Справка о работах
в Лентранспроекте
от 25/IX.43 г.

Эти 6 работ изданы Лентранспроектом, а Союзтранспроектом намечены к напечатанию. Далее работал 3 исследования по вопросам впитывания воды почвой.

В последнее время составил диаграммы для ускорения гидравлических расчетов деревянных труб для восстановительных работ, а также инструкцию по некоторым теплотехническим расчетам. С начала Отечественной войны выполнил по своей инициативе несколько работ оборонного

характера, упомянутых выше. На протяжении года пришлось вести обширную переписку для пояснения основных идей изобретений и устранения необоснованных возражений, пока в октябре 1943 г. была признана новизна предложенных мной идей и мне присуждено авторское свидетельство.

Таким образом в трудных условиях Акмолинска я сделал все, что был в силах сделать для того, чтобы быть полезным своей Родине. Однако возможности здесь весьма ограничены, и мои знания использовались только в минимальной степени. В заключение приведу некоторые биографические данные.

Приложение № 12.
Краткие
биографические
данные.

Я родился в 1884 году в г. Варшаве в еврейской семье врача Г.И.Гольдмана. В 1890 году родители переехали в Киев. Здесь я воспитывался и обучался в Киевской 1-ой гимназии, а затем в Киевском Университете. Здесь же начал преподавательскую работу (лаборантом при физической лаборатории Киевского Университета). Попечитель Учебного Округа Зиллов не утвердил меня лаборантом и пояснил, что дорога к продолжению научной работы при Университете для меня закрыта вследствие еврейского происхождения. Чтобы продолжить научную работу, пришлось выехать за границу. Я работал 3 года ассистентом при Физическом Институте в Лейпциге. Началась империалистическая война, и я возвратился на Родину. Сперва 3 года работал преподавателем физики в Политехническом Институте в Ленинграде; наезжал к отцу на Киевщину. Затем поступил преподавателем в Киевский Политехнический Институт. С 1920 года был назначен профессором, заведующим кафедрой. Вся дальнейшая работа до 1938 года протекала в Киеве. В Киеве же я был принят кандидатом с 1930 года и членом ВКП(б) с 1932 года. За все время пребывания в Партии партийных взысканий не имел. В общей сложности прожил в Киеве 40 лет.

С переходом Высшей школы на **украинский язык преподавания с 1920 года** преподавал на украинском языке. Свободно им владею: говорю и пишу свои работы. Женился я в 1921 году на крестьянке-украинке, и в домашнем быту разговорный язык — украинский. Прожив на Украине, в Киеве 40 лет, обучаясь и уча в украинской среде, сроднившись с нею, свободно владея украинской речью, я отношу себя по национальности к украинцам и горячо желаю остающиеся мне годы жизни и работы провести на Украине. С весны 1943 года я находился в переписке с Академией Наук СССР по вопросу о восстановлении меня на научной работе в Академии. В январе 1944 года я получил из Президиума Академии указание, что по данному вопросу надлежит обратиться непосредственно к Вам. Я надеюсь, что приведенные материалы облегчат справедливую оценку моей деятельности, которая неизменно была направлена на пользу Родины, на

пользу советской науки, на пользу и к чести Академии Наук УССР. В настоящее время я стремлюсь возобновить и продолжить научную работу по оборонной тематике и по вопросам, существенным для советской техники и ее дальнейшем развитии. Для этого нужны экспериментальные средства и текущая научная литература; и то, и другое имеется только в крупных научных центрах. Постановление Академии Наук об исключении меня из действительных членов на том только основании, что я был арестован, нарушает статут Академии и глубоко неправильно по существу. Я прошу дать мне возможность вернуться к научной деятельности, восстановив меня в числе действительных членов Академии Наук УССР.

Заявляю, что при всех условиях буду продолжать работать как патриот нашей Великой Советской Родины, как верный сын трудового народа, идя в борьбе и в труде вместе с миллионными массами под великим победоносным знаменем

ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

гор. Акмолинск.
Акмолинская, 24.
18 февраля 1944 г.

А. Гольдман

ЦДАВО України, ф. 2, оп. 7, спр. 1525, арк. 6-9 зв.

Документ № 2

№ 43/2502
19/V-44 г.

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМІЇ НАУК УРСР
академіку БОГОМОЛЕЦЬ А.А.

До Раднаркому УРСР надійшла заява від тов. ГОЛЬДМАНА Олександра Генріховича — колиш. директора інституту фізики та колиш. дійсного члена Академії Наук УРСР з проханням про використання його на роботі в Академії Наук УРСР.

Раднарком УРСР просить повідомити з приводу цього Вашу думку.

Заступник Голови
Ради Народних Комісарів УРСР

М. БАЖАН

ЦДАВО України, ф. 2, оп. 7, спр. 1525, арк. 5.

Документ № 3

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров УССР

Тов. БАЖАНУ Н.П.
Доктора физико-математических наук
Гольдмана Александра Генриховича

ЗАЯВЛЕНИЕ

21-го февраля 1944 года заказным письмом из г. Акмолинска (квит. № 459 Акмолинской Почтовой конторы) было выслано в Ваш адрес заявление, подробно мотивированное на 8 страницах с приложением материалов и документов на 12 листах, в котором я просил о восстановлении меня на научной работе в Академии Наук УССР.

14-го июня 1944 г. заказным письмом из г. Вологды (квит. № 279 Вологодской Центральной почты) было выслано в Ваш адрес дополнительное заявление с указанием нового адреса и просьбой сообщить решение по первому заявлению.

До настоящего времени я не получил никакого сообщения по указанным заявлениям.

Ввиду того, что я не хочу ни в малейшей мере допустить упрек, что я недостаточно убедительно, недостаточно энергично, недостаточно упорно добивался справедливого решения и восстановления своих прав, позволю себе кратко изложить развитие данного дела, охватывающее полтора года бесплодной переписки.

21 февраля 1943 года, т.е. 1 $\frac{1}{2}$ года тому назад я обратился с заявлением на имя Народного Комиссара Просвещения УССР (в адрес: г. Москва, Тверской бульв., 18), в котором просил предоставить мне возможность «продолжить работу на любимой, родной Украине и принять посильное участие в труде по восстановлению разрушенных и разграбленных врагом Высших Учебных Заведений или Научно-Исследовательских Институтов и затем вернуться к своему научному труду». Я получил ответ от 18 марта 1943 г. за подписью т. Кисиленко следующего содержания:

«Ваше заявление взято на учет и при первой необходимости Вы будете отозваны.

Одновременно рекомендуем Вам обратиться в Украинскую Академию Наук, которая находится в г. Уфе.

Киевский и Харьковский университет объединены и функционируют в г. Кзылорда.

18/III 1943

Кисиленко (подпись)»

Следуя этому указанию, я обратился 11-го апреля 1943 г. с заявлением на имя Президента Академии наук УССР с просьбой «рассмотреть вопрос о предоставлении мне возможности продолжить свою научную работу при Академии Наук УССР». Не получая ответа, я 19 мая напомнил о своем заявлении и получил ответ от 3 июня 1943 г. № 10141 следующего содержания:

«В ответ на Ваше заявление от 19/V с.г. на имя президента Академии Наук УССР сообщаю Вам, что Ваше заявление от 11/IV с.г. направлено на разрешение.

Как только будет получен ответ, немедленно Вас известим.

Вице-президент Академии Наук УССР академик *Палладин (подпись)*»

23 августа 1943 г. я в новом заявлении на имя Президента Академии напомнил о своем заявлении и выслал подробный план «работ по вопросам диффузии в применении к военной химии, имеющих целью улучшение приборов газовой разведки». Это заявление заканчивалось словами: «При благоприятных условиях срок выполнения тем может быть определен — один год. Сообщаю эти данные с целью поставить Вас в известность о возможном направлении моей научной деятельности на ближайший срок. В дальнейшем, после окончания Отечественной войны я желал бы наряду с разработкой актуальных плановых заданий Академии вернуться к своей основной тематике — вопросу об использовании электрохимических процессов в твердых телах для утилизации солнечной энергии, в первую очередь к вопросам теории высоковольтной поляризации в твердых телах, очерк которой я докладывал в 1937 году на Сессии Группы Физики и Химии Академии Наук УССР, в Институте Физической Химии им. Карпова в Москве и на Сессии Физической Группы Академии Наук СССР в декабре 1937 г.»

Я получил ответ от 13 сентября № 14866 следующего содержания:

«Питання, поставлені Вами в листі від 23 VII, як і у попередній Вашій заяві будуть розглянуті після закінчення переїзду Академії Наук до Москви і реорганізації її Інститутів. Про рішення негайно сповістимо Вас.

Вчений Секретар Президії АН УРСР *Супруненко (подпись)*»

Так как и после этого сообщения не последовало обещанного извещения, мне пришлось обратиться 30 ноября 1943 г. с письмом на имя Президента Академии, в котором я просил чтобы мне был дан ответ.

Я получил ответ от 22 декабря 1943 года № 329 следующего содержания:

«На Ваш лист від 30/XI 43 р. на ім'я Президента Академії Наук УРСР академіка О.О.Богомольця сповіщаємо, що у справі, яка Вас цікавить із

питань, що Ви їх порушували у попередніх листах, Вам потрібно звернутись безпосередньо до Раднаркому УРСР і особисто до замісника голови Раднаркому УРСР тов. Бажана М.П.

Вчений секретар Президії Академії Наук *Супруненко (подпись)»*

Итак, в результате почти годичной переписки с Академией Наук УССР я добился только указания, что по вопросу о возобновлении научной работы при Академии Наук УССР и по вопросу о плане этой научной работы надлежит обратиться лично к Вам.

Следуя этому указанию Президиума Академии Наук, я выслал 21 февраля 1944 г. в Ваш адрес пакет с подробным заявлением, о котором упоминаю в начале данного заявления.

В заявлении от 21 февраля я указывал на неправомерность предложения Президиума Академии Наук и принятого по нему постановления Общего Собрания Академии Наук УССР от 2/УП 38 г., лишивших меня возможности продолжать научную работу при Академии, на полную необоснованность и неправильность предложений, которые могли играть роль при этом постановлении; в приложении № 3 были названы лица, которые могут на основе достоверных данных охарактеризовать мою деятельность в Киевском Политехническом Институте (12 лет), в Киевском Госуниверситете и предшествовавших Институтах (9 лет), в Академии Наук УССР (9 лет), в Институте Физики и ранее Н-иссл. кафедре физики (15 лет); была приведена краткая характеристика, легко доступная проверке, моей деятельности в Институте Физики, составлявшей главную часть моей работы, и была указана тематика научных работ, которые велись мной или при непосредственном моем участии, и были оборваны.

Далее словами т. Сердюка из его выступления на 18-м Съезде ВКП(б) я отметил обстановку, которая сложилась в партийной организации АН УССР к 1938 году. Затем были приведены данные автобиографического характера и данные о моей рационализаторской, оборонной и иной работе за последние годы, документированные приложениями № 7, 9, 10, 11.

В заключении я просил дать мне возможность вернуться к научной работе при Академии Наук УССР.

Отмечу на основании материалов февральской сессии Академии Наук УССР (24–26/II 44), опубликованных в Вестнике Академии Наук СССР № 4–5 за 1944 г., что и в настоящее время — 6 лет после моего ухода из Института Физики АН УССР Институт продолжает разрабатывать тематику, поставленную в Институте по моей инициативе, что указывает, насколько правильно она мной была выбрана и поставлена.

Я надеюсь, что длительная задержка ответа Академии при отсутствии отрицательного ответа со стороны Академии и передача этого дела на Ваше окончательное разрешение не является неблагоприятным призна-

ком, а свидетельствуют о желании разобраться в существе данного дела и найти справедливое и политически правильное решение, которое я вижу только в полном восстановлении меня на научной работе в Академии.

Если Вы сочтете желательным моей приезд в Киев для дачи устных пояснений, прошу меня вызвать в ближайшее время, так как, начиная с половины сентября я буду занят учебной работой в Вологодском Педагогическом институте, куда я назначен профессором физики приказом по Народному Комиссариату Просвещения РСФСР.

С июня я приступил к работе в Вологде.

Позвольте заверить, что при всех обстоятельствах я буду продолжать своей работой «открывать двери науки молодым силам нашей страны» и в союзе с ними бороться за овладение вершинами науки на благо Родины.

Прошу известить о Вашем решении.

1/VIII.1944

А.Гольдман

Мой адрес:

г. Вологда, ул. Маяковского, 8, кв. 54,

Проф. А.Г.Гольдман

ЦДАВО України, ф. 2, оп. 7, спр. 1514, арк. 20–22 зв.

Документ № 4

Лист на бланку Академії наук УРСР (м. Київ, вул. Короленка, 54)

Київ, 9 жовтня 1944 р.

№ 879 а

Заступнику Голови Ради Народних Комісарів УРСР
тов. М.П.Бажану

У відповідь на Ваш лист від 2/IX — ц.р. за № 4/10816 Президія Академії Наук УРСР надсилає до Вас висновок Директора Інституту Фізики академіка О.І.Лейпунського по питанню запрошення на роботу в інститут Фізики доктора фізматематичних наук О.Г.Гольдмана і повідомляє, що Президія погоджується з думкою акад. Лейпунського про **недоцільність поновлення т. Гольдмана на роботі в Інституті Фізики.**

Віце-президент Академії Наук УРСР
Академік

О.В.Палладін (підпис)

ЦДАВО України, ф. 2, оп. 7, спр. 1514, арк. 19.

Документ № 5

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК УССР
академику А.В.ПАЛЛАДИНУ

К вопросу о приглашении на работу в Институт Физики
профессора А.Г.Гольдмана.

Институт Физики считает **нежелательным приглашение А.Г.Гольдмана по следующим причинам:**

1. Существующий в Институте отдел, который занимается вопросами, близкими к намечаемой проф. А.Г.Гольдманом тематике, руководится проф. В.Е.Лашкаревым, которым мы вполне удовлетворены. Проф. В.Е.Лашкарев является несомненно одним из ведущих ученых Союза в своей области и под его руководством отдел добился значительных успехов.

2. Учреждение в составе и-та еще одного отдела для проф. А.Г.Гольдмана нецелесообразно, т.к. отдел проф. В.Е.Лашкарева обеспечивает в и-те нормальное развитие соответствующей области физики и параллельная работа в одном и-те не может пойти на пользу делу.

3. Привлечение проф. Гольдмана в качестве рядового научного сотрудника также нецелесообразно, т.к. он по своей подготовке и научным традициям принадлежит к совсем другой школе физиков.

Директор и-та Физики
академик

(А.Лейпунский)

7.9.1944 г.

Верно: заверено

ЦДАВО України, ф. 2, оп. 7, спр. 1514, арк. 23.